

Неделя — 24 июня — 3 июля
№ 26 (1474). 1988 г.

ГОСТЬ 13-й СТРАНИЦЫ

А актер предельно современный... Трагедия целой эпохи отразилась в образе политического ссыльного Лузги, роль которого с пронзительной болью, на высокой ноте человечности сыграл он в фильме «Холодное лето пятьдесят третьего...» Известный сценарист и артист, лауреат Государственной премии СССР Валерий Михайлович ПРИЕМЫХОВ — сегодня гость нашей 13-й страницы.

— Валерий Михайлович, были у вас личные жизненные впечатления, которые помогли приблизиться к образу Лузги?

— Во мне до сих пор очень сильны воспоминания детства. Родом я с Амура, из Благовещенска (родители живут там по сей день), и мне, мальчишке послевоенной поры, довелось близко видеть политзаключенных: они оставались в наших краях на поселении. Отец — железнодорожник, поэтому мы немало колесили по Дальнему Востоку. В Свободном, по соседству с нами, жила семья ссыльного москвича; он отси- дел, как тогда говорили, «чет- вертак» — по стечению обстоя- тельств, ни в чем не виноватый. Преступники в романах До- стоевского осознавали свою ви- ну, их мучила совесть, а этому человеку нечего было осозна- вать, кроме несправедливости по отношению к нему. Но он не демонстрировал свои душевные раны, хотя в лагере уголовни- кам жилось куда легче, чем по- литзаключенным. В печально известные времена уголовники, насильники и убийцы считались «социально близкими» обществу элементами, а политические (даже арестованные по огово- ру, без причин) «социально да- лекими». Прошли десятилетия, а меня по-прежнему поражает то, что у таких поселенцев не бы- ло и тени злобы по отношению к своей стране, ненависти к ок- ружающему миру; они сохра- няли достоинство и внутреннюю культуру.

— То есть, это — черты ваше- го Лузги и второго героя филь- ма, Копальча, роль которого стала для Паланова последней.

— Да, то была его послед- ная роль. Скажу прямо, сначала я побаивался: совместится ли мы в картине? Народный ар- тист, опытный мастер, он мог и не принять меня как парт- нер. Но все сомнения развея- лись в первый же съемочный день. Многогранный художник и человек, прошедший фронт, он был предельно скромен и тактичен, даже стеснителен... Самая светлая память осталась у меня об Анатолии Дмитрие- виче.

— В картине «Холодное ле- то...» действуют уголовные преступники. В иных фильмах они представляли в романтиче- ском ореоле: исправлялись, встретив любовь, проникнув- шись добрыми идеями... Ваш фильм показывает их в крова- вом свете, жестокими, беспощадными.

— Потому что надо было рас- сказать суровую правду о том времени. Последствия бериев- ской амнистии, объявленной после смерти Сталина, были трагическими, преступность до- стигла тогда ужасающих масш- табов. Мы жили в поселке Ушу- мун, на узловой станции Транс- сибирской магистрали; там ос- танавливались поезда, чтобы заправиться водой; матери бо- ялись выпускать нас, мальчи- шек, на улицу — такое творили вокруг амнистированных... В Свободном они разоружили ми- лицию и на несколько дней за- хватили город; это происходило совсем рядом с нами, тому мно- го очевидцев. Вот почему я мо- гу уверенно сказать: в той сре- де не было человеческих зако- нов, сострадания к людям. Зна- чит, следовало показать в филь-

ме этот мир таким, каков он был на самом деле. Отсюда и непримиримая жестокость схватки политических с уголов- никами.

— Схватка выглядит в филь- ме просто натуральной. Навер- ное, понадобилась специальная физическая подготовка?

— Нет, обошлось без трене- ра. Актер должен сам быть в хорошей спортивной форме. Чтобы избежать фальши, мы старались выполнять действия с максимальной достоверностью; искусственные, нарочитые па- дения и прыжки были несовме- стимы с замыслом фильма, то есть с правдой.

— Некоторые критики назы- вают ваш фильм «вестерном»...

— А некоторые находят ана- логии с «Покаянием». Но для меня существовало другое: об очень важных вещах мы стара- лись рассказать просто и есте- ственно, чтобы зрители глубже восприняли идею фильма. По- лучаю много писем; многие из них невозможно читать без вол- нения. Люди рассказывают о своих судьбах, не менее драма- тичных, чем у наших персона- жей. В одном письме бывший сержант, оказавшийся после войны (и недолгого плена) в заключении, заявляет, что еще в малой степени мы показали издевательства, которым под- вергались люди в те годы.

Что тут скажешь? Значит, мы приблизились к правде. И это прекрасное ощущение — чувствовать себя без пафоса гражданином, потому что наш фильм стал вкладом в общее дело. Все больше убеждаюсь, что такие картины нужны. Сей- час в искусстве необходима шо- ковая терапия. Константин Симо- нов как-то сказал: «Мы, журна- листы, войну освоили, теперь слово за писателями». И появи- лись Василь Быков, Виктор Не- красов, военная проза Констан- тина Воробьева. Эпоха Сталина требует художественного ос- воения. Произведения на эту тему могут послужить сильным уроком нашей молодежи, буду-

щим поколениям. Люди должны знать правду без купюр.

— Ваша юность совпала с оттепелью, наступившей после XX съезда партии. Какими ста- ли для вас те годы?

— Тогда у многих начала пробуждаться социальная актив- ность, проявилась жажда дей- ствий. Газеты, книги, фильмы звали в дальнюю дорогу. Я пе- реезжал с места на место, кем только не работал после шко- лы — каменщиком, слесарем, дворником, кожегаром... Собра- лся было в Хабаровск, посту- пать в железнодорожный ин- ститут (так хотел отец), но по- пути товарищ уговорил пойти на актерский; вместе мы проехали мимо Хабаровска и во Владив- остке поступили в институт ис- кусств, только открывшийся в те годы. По его окончании ра- ботал несколько сезонов в дра- матических театрах Уссурийска и Фрунзе. А уже в конце 60-х по- ступил на сценарный факультет ВГИКа.

— Чем был продиктован оче- редной поворот жизни?

— Ну только не случайно- стью. Сочинял-то я со школь- ных лет, в седьмом классе да- же послал тайком рассказ в га- зету «Амурский комсомолец» и его напечатали! Писал все эти годы, сделал несколько сцена- риев для тамошнего телевиде- ния. Ни одно занятие не прошло бесследно, я многое узнавал из-нутри, пробовал на вкус и на осязание. Если, например, буду писать про рабочего определен-

ной специальности, не запута- юсь в терминах.

— А не жалее, что поки- нули сцену?

— Как сказать?.. Положение театрального актера — и ра- дость, и унижение. Я всегда лю- бил запах кулис, атмосферу те- atra. Но второе слагаемое ка- залось чересчур тягостным, по- тому и покинул, как вы гово- рите.

— Но судьба сценариста, ка- жется, тоже сложилась не глад- ко?

— Да, после ВГИКа писал много сценариев, а проходили они с превеликим трудом. Я не

фильмы и живут на элитар- ном презрении к зрителю. А между прочим, Брехт, создав- ший теорию интеллектуального и эпического театра, утверждал: театр — прежде всего зрелище, а уж потом все остальное. То же самое можно сказать и о кинематографе.

— А вам предлагали «произ- водственную» тему?

— Сколько раз! Подразуме- вая под этим экранизацию како- го-то «нужного» положения. Одно время я стал писать только для молодых режиссеров, в объ- единение «Дебют». И в какой- то момент все мои сценарии оказались «на полке».

тым», а после изнурительного бега на длинную дистанцию.

— Ваши лучшие картины ост- ро поднимают молодежные проблемы. Имею в виду При- емыхова-сценариста и исполни- теля главной роли в «Пацанах». У вас к молодежной тематике особое пристрастие?

— Именно «Пацаны» открыли для меня, что рядом с миром взрослых существует многона- селенная и совершенно неиссле- дованная страна детства и от- рочества, со своими законами чести, нежности, дружбы. Под- ростки говорят о тех же обще- человеческих явлениях, только на своем языке. Мы часто по- нимаем молодежь слишком упр- ощенно или вообще отказыва- емся понимать, хотим все при- вести в свою систему, таким образом облегчая себе жизнь. Сегодня пишут о люберах, а я убежден, что люберы — выду- мка журналистов, на самом де- ле — это обычные драки маль- чишек из пригорода со столич- ными; такое случалось еще до революции. Стремление во всем увидеть «организацию» опять же идет от сталинских времен: собрались несколько человек — уже плохо (давайте обзовем их «неформалами»).

— Вернемся к началу разго- вора. Наведываетесь в даль- невесточные края?

— Увы, нечасто. Приезжаю, и не узнаю свой край; многих мест юности уже не существу- ет. И одолевает тоска. Повсю- ду вырастает уменьшенная Мо- сква, словно тиражируется один и тот же архитектурный проект.

— Время как-либо изменило ваши принципы, черты характе- ра?

— Главное — работа, осталь- ное — суэта. Жаль времени, уходящего на болтовню. Рабо- тая, ты должен быть замкну- тым, сосредоточенным. Я це- ликом отдаюсь одной идее; ес- ли пишу, отказываюсь от лю- бых «актерских» предложений; не могу сниматься сразу в не- скольких фильмах. Наверно, с возрастом становлюсь угрюмее, но все так же радостно встре- чаюсь с друзьями, особенно когда есть чувство исполнен- ной работы.

— Какая же все-таки у вас основная профессия — актер или сценарист?

— Режиссер. Сейчас осваи- ваю ее на съемочной площадке в Ленинграде.

— О чем же будет ваша кар- тина?

— Не люблю формулировать тему. Лев Толстой говорил: чтобы попасть в цель, надо ме- тить немного выше цели. Так и настоящее кино должно быть шире какой-то определенной те- мы. Главный герой фильма «Бла- городный друг», который я сни- маю, — наш современник, пен- сиионер, но речь идет не только о подведении жизненных итогов. Этот сценарий я написал 12 лет назад; его трижды закрывали... Надеюсь, фильм будет зрелищ- ным. Смешным и грустным. Для меня остается примером Васи- лий Шукшин, который мастер- ски соединял драму, комедию и мелодраму. Центральную роль играет Юрий Яковлев.

— А вы сами в этом фильме предстанете?

— Да, в роли следователя; она неудачно написана, поэто- му я сам за нее взялся. Следо- ватель на экране в основном молчит, слушает, записывает. А что происходит у него в душе? Пытаюсь по ходу съемок это разгадать.

Гостя расспросил
Вадим ВЕРНИК.
Фотографировал
Виктор БАЖЕНОВ.

Валерий ПРИЕМЫХОВ

приемлю почувства, полудо- нов на экране, поэтому мои ге- рои такие резкие, нервные, и ситуации, в которых они оказы- ваются, остры и неудобны. На- верное, поэтому они были столь неуютны тогдашнему кинемато- графическому начальству. У нас существовал, да и сейчас суще- ствует, некий странный спрос на сценарии. ВГИК и литерату- роведение учат, чтобы, читая «Войну и мир», мы видели толь- ко социальные вопросы, а Тол- стой, между прочим, писал и о том, как Наташа Ростова люби- ла князя Андрея. Социальная проблематика — дело нужное, но это лишь один из слоев, со- ставляющих искусство.

Даже лучшие фильмы на «производственную» тему для меня не факт искусства, а экранизация газетной статьи. Вряд ли полезно весь кинематограф ориентировать на такие картины. Они воспитали не од- но поколение людей с вульгар- но-социологическим пониманием искусства. Стремление напо- ристо поучать зрителя было за- ложено в сталинские времена. Лучшей похвалой для руководи- теля любого ранга было: «Этот человек умеет работать с наро- дом». А кто он сам — не на- род? И кто его уполномочил? Неудивительно, что по прежним фильмам наша жизнь восприни- мается так, будто мы только и делаем, что выполняем план, копаем, строим, преодолеваем.

Нас отучали делать хорошее кино для народа, потому многие

— Наверняка многое в вашей жизни изменила встреча с Ди- нарой Асановой.

— В Динаре я встретил истинного товарища, благодаря ей понял, что наша профес- сия — не наказание, а счастье.

Сейчас Асанову называют выдающимся режиссером, а при жизни ее фильмы чаще вызы- вали резкую критику. В 1980 го- ду нам закрыли сценарий «Ни- кудышная»; позже Динара все- таки «пробила» картину, но к началу съемок было столько поправок начальства, что мы насчитали 18 вариантов сцена- рия!.. Динара пригласила меня на главную роль в картину «Жена ушла» (а я-то считал, что с актерской работой покон- чил). Критика встретила и этот фильм в штыки, шокированная неожиданной трактовкой образа «странной женщины».

Точно так же напугала многих юная героиня нашего фильма «Милый, дорогой, любимый, единственный», которая влюб- лена в человека старше себя, крадет ребенка и строит на этом целую жизненную фило- софию. Критики рассудили про- сто: плохая героиня — значит плохой фильм; даже не пробо- вали разобратся в мотивах ее по- с. упков...

У Динары я учился мужеству, выдержке. От нее узнал, что наша профессия, говоря по- спортивному, стайерская, а это предполагает большой за- пас сил духовных и физических, и успех приходит не по форму- ле «утром проснулся знамени-